

Третья фаза, медленно подходя к зениту, знаменовала конец очередного цикла через несколько часов. В сопровождении своих звёзд-хранителей, что двигались по своим рельсам-путям, танцуя вокруг одной из сестёр-господ, они освещали каменные дали и поселения своих северных владений. Уже как второй час, на горизонте, среди холмов и гор, не было ни единой души вне населённых пунктов. Самый большой из всех городов и деревушек, центр снабжения и культуры всей холодной пустоши вокруг – город Изоль-Мо, готовился к празднику, к великому параду. Все участники уже прибыли и заняли места в предстоявшем оркестровом представлении без дирижера.

Все в городе шумели, каждый житель доставал все возможные украшения, все возможные краски и ткани – всё, что блестит, сверкает и выделяется. Каменные, песчаные стены были украшены плакатами из папируса и тканями любого качества и цвета, сшитыми безобразными кляксами при помощи знаменитой техники – «белыми нитками». В центре города был маяк, его своеобразный аналог для бесконечных океанов песка и камня, и работал он во всё топливо, имеющееся в поселении, сияя глубоким зелёным, хвойным цветом, который можно было заметить, пожалуй, даже с ближайших гор. Огоньки в окнах и столбах-башнях зажигались поочередно, следуя за маяком, один за другим, как по команде, а некоторые из них даже были окрашены жёлтым, синим, розовым цветами. Сейчас, здесь было живых существ больше, чем в любой другой час, в любой другой день – люди разных национальностей и вероисповеданий, высшие гарпии, младшие драконы, только кротолюдов нет. В отличие от остальных, они трудились в три пота, занимаясь ювелирным, ткацким и художественными делами, создавали инструменты и разные примочки, готовили заряды «цветастого пороха». Только после праздника, вся подноготная города, где живут эти трудоголики, будет праздновать по круче народа сверху. Порою, от их празднований целые города и стены обваливаются, фундаменты трещинами идут. Для такого скромного народца, праздники воспринимаются ещё острее, с ещё большим энтузиазмом и жаром.

Уже можно почуять, как каждая избушка, каждая коробка из каменных стен с печкой, готовили выпечку, разные виды мяса, жарили кактусы – что угодно и кого угодно. Даже каннибалы не были ущемлены – им выделили целый квартал для празднования и пиршества, целый квартал специально подготовленных блюд и лакомств, развлечений и традиционных закусок, целый квартал! Само собой, право на пожирание кого-то было ограничено лишь столом и тем, что на него накрыто. Хотя, если стражников не будет, то и стол им судьёй не будет, а наблюдателем, да лишь их совесть и желудок. Желудок, хочется заметить, у каннибалов сильнее совести.

Да вот только, не всем этот день праздником представился. У кого-то, всё ещё, рабочий день, заказ, что надо исполнить. Церкви не жалеют своих работников, даже по праздникам, даже когда этот праздник является невероятно важным культурным событием для всех. Заказ, требующий двух вооружённых людей, небольшой стычки, шрама, а также захвата цели.... С неприятным поворотом, для работающих людей, в столь прекрасный и шумный день. В конце концов, не вся работа обычно идет по прогнозу.

- Г-голова... Моя голова! Где солнце, где луна?! -

Среди переулков, отводя его от главных улиц, человека в бордовой мантии тащили в задворки. Он не мог понять, кто это, он не мог понять, куда, зачем, какое время и какое место. Он вообще не чувствовал этого мира.

Перед его глазами пролетал парад страшных цветов и звуков, слышных только в его голове. Его тащили вверх по чёрно-серой, колючей башне, нося за ноги головой кверху. Внизу горела радуга, божественный инструмент из сказок, наполненный драгоценной водою. А перед ним,

придерживаемая одной рукою, висела ткань пустоты и забвения неба – чёрная леди со страшной улыбкой смотрела своими бесконечными глазами и слушала бесконечными ушами, говорила с ним на бесконечных, немых языках, своими бесконечными ртами. Люди и кротолюды, гарпии и драконы – все они стояли рядом, без глаз или ушей, без имени или лица, часть из них были носителями её ушей и глаз вместо своих же. Звёзды были в её карманах, а луна на её перстне, только владыка Солнце висел перед ней, как – по-нашему выражаясь – морковь перед осликом.

Солнце горело алым свечением, питаясь кровью обидчиков – его ветви, драгоценные друзья его младшего луча, были иссушены пламенем наглой звезды луны, возмнившей себя светилом. Он покарал блеклое светило, окрасив его шрамом по самой свечке души внутри. А теперь, Лорд смотрел на него, только на него, своим окровавленным глазом. Леди улыбалась, дрожа в страхе и предвкушении. Пока все праздновали и шумели, тишина подкрадывалась незаметно, и отсчёт следующего дня скоро начнётся. Человек в бордовой мантии – тоже виновник.

- Лорд... Мой Лорд, мой Лорд!.. -

- Ты же знаешь, что мы можем избавить его от страданий здесь и сейчас, так? – Одна из фигур, в чёрном и сером одеянии, нося белую, под цвет звёзд, фреску, заговорила со своим сообщником. Периодически, эта фигура оборачивалась на центральные улицы. – Фаза и её совет не говорили нам, что с ним делать, если он безумен... Мы должны были его убить, но наша зада -

- Я знаю, знаю! – Раздражённая самим фактом этого разговора, другая фигура в тех же мантиях и одеждах, но уже с алой фреской, огрызалась на товарища. Оба были мужского пола. – Чёрт возьми, ты думаешь, я имею точный протокол, что делать с ним, если его чёртов сгусток ужалил и лишил рассудка?! Он нам нужен и живым, и мёртвым в том или ином смысле. Самое главное - информация. Сейчас же, он скорее относится ко второму, и совершенно не относится к первому. Я без понятия, я без понятия что делать с его... -

Вторая фигура, схватившись за шиворот мантии, тащила центр ворчания и периодичных ругательств на каком-то языке. На некоторое время, он начал недовольно ворчать под нос.

- И всё же, по заветам... -

Начала была белая фреска, но-

- Ты думаешь, нам простят его убийство за, возможное, просто так?! За ним и так гоняется добрая половина тех эмоциональных варваров. Это не мы, а они хотят сделать с ним такое, о чём нам только бояться предстоит, и ты сейчас пытаешься исправить именно этот факт, а не проблему. Так что, просто сделаем ему одолжение, очень, очень любезное, для такого ублюдка!.. Тсс, нет, совет может посчитать это за неверное исполнение приказа, если мы его убьём. -

С этими словами, красная фреска с силой бросил бардовую мантию в кучу пыльных досок. Голова этой жертвы обнажилась, показывая неряшливую и обросшую голову человека лет двадцати, с большим ожогом-шрамом, что смазал ему глазницу вместе со щекой и бровью в одну шершавую поверхность. Другой глаз гулял по всему, что только можно, в паранойе и боязни чего-то. Тело не слушалось, находясь в бесконечной тряске и судороге.

Фигура с красным головным убором достала трубку из своей сумки поперёк груди, внутри слоёв одежды, после чего начала заряжать её всякими иссушенными корнями и чёрт пойми чем. В следующее мгновение, снимая правую перчатку, рука сделала щелчок у самой трубки -

она загорелась, бледным, почти невидимым огнём. Его можно было увидеть лишь по искажению лица за ним. А также, он обнажал лицо курящей фигуры.

Освещая лунным светом, усатое, седеющее лицо показалось из тьмы и неразберихи. Он выглядел довольно старым и опытным, но на удивление, без единого шрама. Всё, что было – так это недавняя рана на щеке, что скоро этим шрамом станет, новым, первым.

Глаза смотрели, сквозь лунный свет, смотрели странно жестоко на сидящую фигуру. Несколько лет истории чистой ненависти скопились в одном моменте, и сейчас судили, что будет. На поясе висел серповидный клинок, по которому постукивала левая рука.

Пустив облачко серо-голубого дыма, «красный» инквизитор стоял и думал, думал над приговором. «Белый» пока ещё стоял, и больше возражать не посмел, и хоть его глаз и не видно было – ясно виднелось, что таких суровых чувств, совсем как у «красного», к безумцу не проявлялось.

Наконец, прозвучал вердикт...

Одинокая, каменная пустошь северных земель. Здесь почти ничего не живёт. Цитадели и Центры находятся слишком далеко, дабы обращать, хоть чуточку внимания, на эти регионы. Только гарпии тут пируют на поверхности, да кротолюды строили свои тоннели под землёй. Деревни не были здесь постоянно заселёнными – здесь жили люди-кочевники, да и только, иные люди не прижились бы. Связь здесь поддерживается минимальная, ведь каждый старается выжить либо отдельно, либо небольшими группками, дабы избежать набегов тех же высших и низших гарпий, а также воровства между собой.

Но, под зенитом третьей фазы луны, служители церкви «Луны и её сестёр-фаз», устраивают великий единый парад вер и народов. В уже традиционной столице этого края, которую уже и не помнят, как и кто её обосновали, собираются почти все возможные жители севера. Собравшимся не важно нынешнее положение жизни, их не гложут зависимости и обиды от расы или национальности, племени, и всё это ради одного момента...

Приглушая слова старшего инквизитора, фаза достигла зенита: все возможные инструменты возопили, люди возопили и воспели им в такт, высшие гарпии подняли и спустили свои крылья, а заряды цветного пороха полетели в небо к звёздам, взрываясь и оглушая всех находящихся в городе, каннибалы начали свой великий пир. Главный северный парад начался. Улицы были полны всех возможных и невозможных цветов, танцев, звуков и жизнедеятельности приезжих и местных. Все хотели жить, все хотят помнить, и все захотят развлекаться на следующем празднике. В мире, подобном этому, своё право на жизнь надо доказать, отгоняя тишину звучанием своего имени, своего дыхания, своего желания.

- Ладно. Живи. Праздник жизни, как-никак. Иди, наслаждайся им, чёртот психопат. -

Кинув недовольный взгляд в сторону главной дороги, курящий дал недовольную мину, после чего показал какой-то жест своему белому сообщнику. Последнее мгновение зрительного контакта, и он уже начал уходить, они оба начали уходить, оставляя цель в мусоре.

Безумный глаз помеченного шрамом сначала смотрел им вслед, а потом, трясся перед зрелищем карнавала, перед взрывающимися снарядами пороха, что летели цветастым огнём во все стороны. Его голова и сердце готовы были взорваться в эти мгновения, растерзать себя на тысячи мелких кусочков. Его лицо невольно исказилось в улыбке, не понятно, по какой причине, даже ему самому.

- Живой, живой, живой. Ужалили... Не дали сказать. Сказать. Пощадили, пощадили. Хочу отдых, отдых, забыть, забыть... Мой лорд, мой лорд. Леди монстр дала свой оскал! Спасение шум есть. -

Ведомый своими видениями, он встал, дрожащими ногами уходя на главную улицу. С каждым шагом музыка и крики становились только громче, цвета становились ярче. Что-то щёлкнуло в его голове – мрачный хаос и паранойя сменялись на что-то иное, на что-то красочное, красивое, незабываемое. Не было никакой леди – она растворилась в шуме, солнце ушло в спячку, а луна вернулась на круги своя. Жизнь. Жизнь вновь вернулась!

- Живу, живу, живу. Я живу! Живу! Леди, леди, леди! Я жив! -

Повторяя одно и то же слово, заикаясь, полное радости и восхищения, он вышел на главную улицу. Всё смешалось, он потерял небо и землю. Это была красочная каша звуков и цветов, такая каша, которую он никогда не видел. Впервые за своё осознание, он почувствовал себя полным, воистину полным. Здесь так много людей, так много пьянящих звуков и образов. Здесь нет грусти и печали, тишины и смерти – здесь только веселье и краски, только веселье, только краски! Больше всего ему запомнились красные оттенки, звучания труб, а также алкоголь на языке, который ему любезно наливали прямо в рот.

Его поили, его кормили, с ним шутили и шутили над ним, и всем было всё равно кто он. Никто не был в обиде от шуток или ссор. Все словно надели вечно весёлые маски, но эти маски не скрывали сущность хозяина, а наоборот, раскрывали глубинные чувства веселья. Эти маски были самых различных цветов и размеров, форм и значений. Все пили и ели вдоволь, развлекались до обмороков, а кто-то и влюблялся – это была свобода, свобода, купленная дорогой ценою, которой можно воспользоваться лишь раз или два.

Его уносило всё дальше и дальше, он не мог разобрать ни единого звука, ни единого цвета, ни единого живого существа. Он танцевал, он смеялся, развлекался, в его голове рождались идеи, идеи которые он до сих пор не мог осознать. Это прекрасные идеи, счастливые идеи. Он хотел с ними поделиться, он хотел быть их частью, он хотел быть цветом, звуком. Он хотел быть всем и ничем, он хотел быть малым солнцем. Этот танцор без разума и сожалений мог чувствовать, как его разбитый разум перестраивался, перерождался и разламывался вновь, дабы повторить всё заново. Быть может, человек с одним глазом и не знал этого, но он уже никогда не будет прежним, и что он ради своего разума, отдаст частичку своего «я». Идея, наравне с верой, может таить в себе ужасающую мощь, и сейчас мир познает это вновь.

Время торопило событие, прошлое забывалось в его голове. Он кружился в танце забвения и начале нового цикла, но цикла не Солнца-Луны, не сезонов этого мира, а чего-то совершенного нового. Он готов был отдать всего себя ради этого, забыть своё прошлое я, отдать свои прошлые грехи госпоже тишине, дабы потом повернуться к шуму и жизни. Идея, простая идея бесконечных красок и веселья в мире тишины и несчастья, имела полную власть над разумом и его строением.

Однако, что это? Крики менялись. Краски сменялись на синие, с редкими жёлтыми цветочками. Ничего не понятно. Никто не танцевал, кто-то плакал, и все кричали. Много красного, слишком много красного.

Мир, созданный прошлым для прошедших дней, увидел луч перемен. Но был ли он лучом надежды?..

Утро наступит не скоро, а уж тем более ясность разума. Завтра будет новый день. Алый

апостол, отвергнутый последователь, начнёт новые дни в ностальгическом цикле, восстановив свой разум. Он избежал страшного, синего гнева.

<http://tl.rulate.ru/book/85628/2737788>